

«Диалектика души» в речевых стратегиях Л. Н. Толстого и его героев (анализ одного отрывка из романа «Война и мир»)

Екатерина Евгеньевна Орехова, Воронежский государственный университет
(Россия, Воронеж), eka-orekhova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005366-1

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается анализ отрывка из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в аспекте речевых стратегий диалога как формы психологического изображения героев и отношений между ними. Анализ прощальной беседы Андрея Болконского с княжной Марьей строится на сопоставлении вербального плана речи с интенциями, проявленными в контексте, и показывает, как писатель демонстрирует читателю характерные для Болконских тактики ведения разговора: умолчание, уход от неприятного предмета обсуждения, переход на тему, невыгодную для собеседника, или возвращение беседы в предпочтительное русло. Кроме того, в статье рассматривается ряд приемов, используемых Толстым для верификации коммуникативных тактик: повторы, мнимая избыточность, авторская интерпретация. Тем самым доказывается важность речевых тактик диалога как художественного средства для психологически точной и глубокой прорисовки внутреннего мира каждого из персонажей. Речь героев также сопоставляется с речью повествователя, что позволяет выявить писательские стратегии, направленные на формирование определенной модели взаимодействия читателя с художественным текстом. Результаты проведенного исследова-

дования углубляют понимание психологизма прозы Толстого и могут использоваться в практике преподавания русской литературы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лев Толстой, «Война и мир», речевые стратегии, психологизм, «диалектика души», интерпретация, прагмалингвистический подход

для цитирования: Орехова Е. Е. «Диалектика души» в речевых стратегиях Л. Н. Толстого и его героев (анализ одного отрывка из романа «Война и мир») // Русская речь. 2019. № 4. С. 82–90. DOI: 10.31857/S013161170005366-1.

The Language of Fiction

“Soul Dialectics” in the Speech Strategies of L. N. Tolstoy and His Characters (Analysis of an Excerpt from the Novel “War and Peace”)

Ekaterina Ye. Orekhova, Voronezh State University (Russia, Voronezh), eka-orekhova@yandex.ru

---

ABSTRACT: This article analyzes the excerpt from the novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy in the aspect of dialogue strategies as a form of psychological depiction of the characters and the relations within. Analysis of Andrei Bolkonsky’s farewell conversation with Knyazhna Mary is based on a comparison of the speech plan with the intentions in the context, and shows, how the writer shows conversation tactics of Bolkonsky’s family to the reader: silence, avoiding unpleasant subject of conversation, changing to an unfavorable subject of the speech for the interlocutor, or taking the conversation on the preferred way.

In addition, the article discusses a number of techniques used by Tolstoy to verify communicative tactics: repetitions, an imaginary redundancy, and the author's interpretation. The importance of the dialogue tactics is proved thereby to be as an artistic means for the psychologically accurate and deep drawing of every character's inner world.

The speech of the characters is also compared with the speech of the narrator, that makes it possible to identify the author's strategies aimed at the formation of a certain model of interaction between the reader and the literary text.

The results of the study provide deeper understanding of Tolstoy's prose psychology and can be used in teaching practice of Russian literature.

KEYWORDS: Leo Tolstoy, "War and Peace", dialogue strategies, psychological prose, "soul dialectics", interpretation, pragmalinguistic approach

FOR CITATION: Orekhova E. Ye. "Soul Dialectics" in the Speech Strategies of L. N. Tolstoy and His Characters (Analysis of an Excerpt from the Novel "War and Peace"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 4. Pp. 82–90. DOI: 10.31857/S013161170005366-1.

Глубокий психологизм прозы Л. Н. Толстого, несомненно, стал одной из причин непреходящего интереса читателей разных стран и эпох к его творчеству. В литературоведении давно появился и закрепился термин «диалектика души», обозначающий толстовский метод детального изображения того, как зарождаются и изменяются мысли, чувства, настроения человека.

Не меньший интерес этот метод представляет и с прагматингвистической точки зрения, в аспекте исследования форм и механизмов воздействия речи на адресата [Александрова 1996: 5]. Такой подход позволяет эксплицировать «коммуникативную сторону языкового функционирования и употребления», или, говоря менее терминологично, продемонстрировать, как работает «человеческий фактор в языке» [Винокур 2007: 19]. При анализе текста художественного произведения прагматический подход интересен тем, что дает возможность проникнуть не только в мир персонажа, которому формально принадлежит речь, но и в мир автора, то есть сопоставить речевые пласты разных уровней и разной организации.

Толстой от произведения к произведению вырабатывает и совершенствует речевые тактики и стратегии, позволяющие ему не только про-

демонстрировать возникновение, оформление и изменение различных состояний и побуждений героев, но и направить внимание читателя на этот процесс, научить основам психологического анализа. Тем самым писатель-гуманист утверждает высокую ценность человеческой личности и ее духовных поисков, направляет нас по пути самоосмысления и самосовершенствования, проводит мысль о жизненной необходимости душевной чуткости и искреннего интереса к человеку.

Безусловно, язык произведений Толстого постоянно находится в фокусе внимания отечественных лингвистов и литературоведов. Не раз исследовались и речевые формы психологизма в романе «Война и мир» [Скафтымов 1972, Страхов 1977, Есин 1988 и др.]. Однако предметом исследования всякий раз становился психологизм «монологического» типа — движения души, погруженной в себя, и внутренняя речь героев, от самоанализа до потока сознания. В этой связи нам представляется особенно интересным исследовать диалог как прием психологического изображения героя через реализуемые им речевые стратегии.

Роман-эпопея Толстого, конечно, дает необыкновенный простор для исследования речевого поведения автора и героев, однако мы остановимся на анализе одного отрывка, поскольку высокая концентрация определенных явлений на ограниченном пространстве текста позволяет убедиться в их неслучайности. Кроме того, анализ отдельного эпизода представляется нам дидактически более привлекательным, так как моделирует естественное взаимодействие читателя с художественным произведением.

Мы предлагаем для анализа фрагмент XXVIII заключительной главы I части первого тома — прощание Андрея Болконского с княжной Марьей перед отъездом на войну. Этот эпизод по сути является завязкой сюжетной линии князя Андрея, давая очень много для понимания характера героя и его места в системе образов романа. Кроме того, здесь отчетливо звучит «мысль семейная», без которой невозможно представить «Войну и мир». Психологически глубокий и сложный диалог брата и сестры обычно не привлекает внимание неискушенных читателей именно в силу своей сдержанности, отсутствия в нем внешних эффектов и поддержки действием. Тем интереснее бывает открывать здесь внутреннюю драматургию, идти к пониманию характеров героев и отношений между ними через их речь, отмечать широкий спектр эмоций, выраженных словом.

Принципиальным для Толстого становится использование конструкций со значением неопределенности — они помогают подчеркнуть «неуверенность» автора в трактовке поведения героев, маркировать эту трактовку как «догадку». Они отрицают всеведение автора и приглашают читателей к совместной интерпретации.

Для этого Толстой активно использует союзы *или / ли, как будто*, вводные и вставные слова и словосочетания, причем нередко комбинирует их, насыщая фразу осторожностью, предположительностью:

Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, — может быть, и то и другое, только, видимо, не желая, чтоб его видели в таком положении, услышав шаги в сенях, он торопливо высвободил руки, оставившись у стола, как будто увязывал чехол шкатулки, и принял свое всегдашнее спокойное и непроницаемое выражение.

Княжна Марья покраснела пятнами и замолчала, как будто она чувствовала себя виноватою.

Как же автор помогает читателю склониться к тому или иному предположению, выбрать одну из возможных трактовок? Зачастую верное направление интерпретации задается сравнением ситуации, в которой находится герой, и его реакции на нее с личным опытом читателя и универсальными психологическими реакциями. На уровне языка это реализуется сравнительными конструкциями с местоимением *мы* — оно играет здесь обобщающую роль:

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, как мы улыбаемся, слушая людей, которых, нам кажется, что мы насквозь видим.

Позиция Толстого здесь напоминает тактику мудрого учителя, «незаметно» подсказывающего ученику ответ на вопрос, позволяя ему поверить в себя и убедиться в своей правоте — ведь все догадки подтверждаются дальнейшим развитием диалога.

Что же касается речи героев, то она представляет большой интерес с позиций прагмативистики, поскольку план выражения в ней заметно разнится с планом содержания, реализуя скрытые, невысказанные намерения. Иногда Толстой указывает на это, как в случае, когда княжна Марья задает Андрею вопрос, неявно выражающий ее сомнения в том, что она по-прежнему хорошо понимает брата:

Ты не сердись, что я пришла? Ты очень переменялся, Андрюша, — прибавила она как бы в объяснение такого вопроса.

Интересно, что это звучит в самом начале разговора, и князь Андрей, «только улыбкой отвечая на ее вопрос», подтверждает готовность к умолчаниям. Так задается характер их диалога, так Толстой предупреждает нас о необходимости читать «между строк».

Что же происходит далее? Княжна Марья заводит речь о маленькой княгине, упрекая брата в отсутствии снисходительности, и, когда она от-

казывается реагировать на невербальные сигналы о его неудовольствии («ироническое и презрительное выражение, появившееся на его лице»), тот резко меняет тему разговора:

— Ну, а по правде, Marie, тебе, я думаю, тяжело иногда бывает от характера отца? — вдруг спросил князь Андрей.

Здесь примечательна и сама тактика ухода от неприятной темы, и избранное направление — в отместку за пережитые неприятные минуты брат заставляет сестру почувствовать такую же неловкость:

Княжна Марья сначала удивилась, потом испугалась этого вопроса.

Несмотря на первоначальную растерянность, княжне все же удается повернуть разговор в желательное для нее русло. Она использует обратную тактику — выхода к заранее намеченной теме, — симитировав ассоциативный переход от религиозных дискуссий с отцом к образку, которым она хочет благословить Андрея. Очевидно, что переход этот не случаен, поскольку образок был приготовлен заблаговременно и ждал своего часа в ридикюле. Толстой раскрывает нам немного наивные уловки княжны Марьи, подробно описывая ее поведение в этот момент разговора, «после минуты молчания», когда героиня, по всей вероятности, обдумывала, как подступить к непростой теме:

Обещай, Андрюша, — сказала она, сунув руку в ридикюль и в нем держа что-то, но еще не показывая, как будто то, что она держала, и составляло предмет просьбы и будто прежде получения обещания в исполнении просьбы она не могла вынуть из ридикюля это что-то.

Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

Тот, в свою очередь, доказывает, что способен понять и по достоинству оценить стремление сестры защитить его даже «против воли» — атеист Болконский удерживается от естественной для него иронии:

— Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... — сказал князь Андрей, но в ту же секунду, заметив огорченное выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. — Очень рад, право очень рад, мой друг, — прибавил он.

Здесь реализуется тактика прогнозирования, «угадывания» желаемой для собеседника реакции. Она, очевидно, не является характерной для речевого поведения Андрея Болконского — об этом свидетельствуют первоначальные спонтанные реплики. Однако эти же недосказанные героем фразы служат писателю зеркалом, отражающим сложную гамму чувств,

эмоций, реакций, из взаимодействия которых и вытекает последующий поступок. Толстой тщательно прописывает речевой план выражения «диалектики души», и диалоги подчас играют в нем не меньшую роль, чем внутренняя речь героев, поскольку рисуют непосредственный отклик на происходящее в момент речи.

В результате все речевые тактики, использованные князем Андреем в этом эпизоде (умолчание, уход от неприятной темы, переход на тему, невыгодную для собеседника), складываются в единую стратегию, которую можно обозначить как управление диалогом и сохранение дистанции между его участниками во избежание нежелательных воздействий — Болконский принял важные для себя решения и не хочет, чтобы сестра пыталась на них повлиять. Речевое поведение героя носит защитный характер, о чем свидетельствует его благодарность княжне Марье и желание сказать слова, способные ее порадовать.

Сознавая сложность «двухслойного» общения, когда мыслимое и произносимое не равны друг другу, Толстой делает все возможное, чтобы даже неопытный читатель мог следовать за ходом мыслей героев, видеть за словами движения души. Писатель использует прием повтора, представляя информацию двумя способами: сначала он показывает действия персонажа или приводит его слова, а затем предлагает свое видение причин или целей такого поведения:

Мне сказали, что ты велел закладывать, — сказала она, запыхавшись (она, видно, бежала), — а мне так хотелось еще поговорить с тобой наедине.

На первый взгляд, комментарий в скобках излишен — от чего еще может запыхаться девушка, если не от бега? Но именно очевидность объяснения делает его прагматически оправданным: Толстой сознательно идет на избыточность, с ее помощью привлекая внимание к причинам второго плана, к психологической мотивации. Если княжна Марья не просто идет, а бежит, чтобы поговорить с братом, это повышает значимость самого разговора в ее восприятии, это доказывает искреннюю любовь сестры к брату и заботу о нем, хотя в разговоре чувства не декларируются.

Для более полного понимания того, чем руководствуются герои в выборе речевых стратегий и тактик, необходимо обратить внимание на эмоциональную лексику, которой изобилуют авторские комментарии к репликам: *нежно, задумчиво, робко, умоляющим взглядом, с торжественным жестом, тронут, жалко; прекрасные глаза его светились умным и добрым, непривычным блеском*, — насыщенность подобными словами и выражениями нарастает по мере приближения к концу эпизода. На этом фоне особен-

но хорошо отмечается внешняя сухость речи Болконских, отражающая характер их воспитания, стиль общения, принятый в семье, но эмоциональный контраст их речевой манеры с речью автора не создает диссонанса: одна соотносится с другой как внешнее с внутренним, видимое с истинным. Эта диалектическая «двойственность», столь значимая для Толстого-философа и Толстого-художника (вспомним прекрасные глаза, свет которых озаряет непривлекательную княжну Марью), здесь приобретает языковое измерение.

Следуя приему повтора, уже доказавшему свою эффективность, писатель строит в том же ключе и вторую часть главы, рисуя безмолвное, но нескрываемое отвращение князя Андрея к m-lle Bourienne, плохо скрываемую холодность к жене и старательно маскируемую под внешней сдержанностью любовь к отцу. Толстой дает нам возможность укрепиться в своем убеждении относительно того, что степень продуманности и тонкости речевых стратегий князя Андрея напрямую зависит от того, насколько он дорожит вторым участником диалога и щадит его чувства.

Таким образом, Толстой наглядно демонстрирует читателю, что сказанное далеко не всегда равно мыслимому, и побуждает отказаться как от поверхностного, буквального чтения текста, так и от поверхностного восприятия человека. В этом, как нам представляется, и состоит главная стратегия великого гуманиста, для которого художественное слово всегда было ценно своим воспитательным потенциалом.

Литература

- Александрова О. В. Единство прагматики и лингвопоэтики в изучении текста художественной литературы // Проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. Калининград: Калинингр. ун-т, 1996. С. 3–7.
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 2007. 172 с.
- Есин А. Б. Л. Н. Толстой. «Война и мир» // Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. С. 120–138.
- Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М.: Художественная литература, 1972. С. 165–181.
- Страхов И. В. Методика психологического анализа характеров в художественном произведении: Психологический анализ портретов-характеров в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Саратов: Сарат. пед. ин-т, 1977. 84 с.
- Толстой Л. Н. Война и мир: В 4 т. М.: АСТ, 2010. Т. 1. С. 66–68.

References

- Aleksandrova O. V. [The unity of pragmatics and linguopoetics in the study of the fiction text]. *Problemy semantiki i pragmatiki: Sb. nauch. tr.* [Problems of semantics and pragmatics: collection of scientific papers]. Kaliningrad, Kaliningr. Univ. Publ., 1996, pp. 3–7. (In Russ.)
- Esin A. B. [L. N. Tolstoi. «War and Peace»]. Esin A. B. *Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury* [Psychologism of classic Russian literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, pp. 120–138. (In Russ.)
- Skaftymov A. P. [About psychologism in the works of Stendhal and Tolstoy]. Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelei: Stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh* [Moral quest of Russian writers: Articles and studies about Russian classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 165–181. (In Russ.)
- Strakhov I. V. *Metodika psikhologicheskogo analiza kharakterov v khudozhestvennom proizvedenii: Psikhologicheskii analiz portretov-kharakterov v romane L. N. Tolstogo «Voina i mir»* [Methods of psychological analysis of characters in a work of art: Psychological analysis of characters' portraits in the novel «War and peace» by Leo Tolstoy]. Saratov, Saratov Ped. Inst. Publ., 1977. 84 p.
- Tolstoi L. N. *Voina i mir* [War and Peace]: In 4 vol. Moscow, AST Publ., 2010. Vol. 1, pp. 66–68. (In Russ.)
- Vinokur T. G. *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [The speaking and the listening. Variants of speech behavior]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 172 p.